

Вечерний дымок от очагов поднимался над крышами глинобитных домов, смешиваясь с теплым запахом хвороста из печи, и разливался по всему маленькому дворику.

Су Вань, повязав вылинявший до белизны фартук, хлопотала в кухне. Лязг железного котла и лопатки звенел по всему двору. Сегодня, когда Лин Цэ ходил менять деньги на черный рынок, он специально купил на полкило кукурузной муки больше и прихватил пучок зелени. На ужин можно было сварить жидковатую кукурузную кашу и приготовить салат из зелени — куда сытнее, чем обычно.

Туаньцзы сидела на маленькой скамеечке у входа во двор, сжимая в руке гладкий речной камень, и, опустив голову, медленно водила по нему пальцами.

Ей только что исполнилось четыре года. Волосы мягко прилипали к щекам, а из-за постоянного недоедания личико было желтоватым. В глазах всегда таилась робкая настороженность, словно у птенца, напуганного ветром.

С тех пор как Лин Цэ начал вести нормальную жизнь, она больше не пряталась от него, как раньше, но и сама подходила редко. Говорила тихо, словно комар жужжал, а уж об улыбке и речи не шло.

Лин Цэ только что вернулся из управы, где подсчитывал трудодни, и, войдя во двор, увидел эту картину.

Солнце на закате падало на маленькую фигурку Туаньцзы, отбрасывая длинную тень, от которой веяло невыразимым одиночеством.

Сердце у него слегка сжалось. В предыдущих тринадцати циклах он ни разу не подумал посмотреть на этого ребенка повнимательнее. По сюжету он должен был изображать, что считает ее обузой, но теперь, глядя, как она сидит, сжимая камень и глядя в пустоту, ему стало ее жаль.

— [Хозяин, только что зафиксировано: у входа в деревню кто-то говорил, что Линь Вэй сегодня снова ходила в управу тебя искать. Не застав, она выпрашивала у капитана Лю, куда ты делся.] — раздался в голове голос Системы 7576 с нотками любопытства. — [По первоначальному сюжету тебе сейчас полагалось самому пойти к ней и пожаловаться: «Домашняя уродина и обуза — такая морока!» А ты вон как: даже видеть ее не хочешь. Линь Вэй, небось, уже на взводе.]

Лин Цэ не обратил внимания на слова 7576. Его взгляд упал на кучу тростника в углу двора.

Это Су Вань нарезала несколько дней назад, чтобы залатать дыру в крыше. Тростинки были длинные, мягкие, отливали нежным зелено-желтым цветом.

Он вдруг вспомнил: когда в одном из миров древнего земледелия он корректировал сюжет, ему пришлось играть «молчаливого старшего брата», и он учился у стариков из деревни плести из соломы — кузнечиков, зайчиков. Тогда это было лишь для того, чтобы выполнить задание «оттенить мастерство главного героя», но теперь этот навык пригодился.

Он подошел, нагнулся, выбрал из кучи несколько самых мягких тростинок и сел на каменную ступеньку рядом с Туаньцзы.

Туаньцзы, услышав шорох, подняла голову, взглянула на него и снова быстро опустила, сильнее сжав в руке камень. Она чуть подвинулась в сторону — все еще побаивалась его.

Лин Цэ молчал. Он просто начал медленно перебирать тростинки.

Пальцы ловко складывали, переплетали, просовывали тростинки одну в другую. Движения были отработанными, словно он делал это тысячи раз.

Тростинки в его руках постепенно обретали форму: сначала круглая головка, потом тонкие усики, затем членистое тельце и шесть маленьких ножек. Не прошло и минуты, как был готов искусно сплетенный кузнечик — ярко-зеленый, лежащий на ладони, словно в следующее мгновение он готов был прыгать.

Он тихонько положил кузнечика на землю перед Туаньцзы и, смягчив голос до предела, спросил:

— Туаньцзы, посмотри, что это?

Глаза Туаньцзы осторожно поднялись и остановились на кузнечике.

Ресницы ее дрогнули. Маленькая рука медленно разжалась, выпуская камень. Пальчик осторожно потянулся к кузнечику, но, едва не коснувшись, отдернулся. Она подняла голову, взглянула на Лин Цэ и, убедившись, что он не сердится, снова робко протянула руку и легонько прикоснулась к усикам кузнечика.

Тростинка на ощупь оказалась мягкой. Глаза Туаньцзы засветились. Она тихо спросила:

— Папа... это кузнечик?

Это был первый раз, когда она заговорила с Лин Цэ по своей воле. Голосок был тихим, но в нем звучало любопытство.

На душе у Лин Цэ потеплело. Он кивнул и пододвинул кузнечика поближе к ней:

— Да, это сплетенный из травы кузнечик. Играй.

Туаньцзы долго смотрела на кузнечика и наконец, набравшись смелости, протянула руку и взяла его.

Она положила кузнечика на ладошку, легонько сжала его усики. Глаза ее превратились в две луны-серпики, уголки губ поползли вверх, обнажая два маленьких передних зубика.

Улыбка была легкой, но, словно солнце, пробившееся сквозь тучи, она мгновенно озарила ее желтоватое личико и весь двор. В ней не было ни тени мрака — чистая, как небо после дождя.

Лин Цэ смотрел на ее улыбку, и сердце его словно что-то мягко толкнуло — стало горячо до жжения.

Он выполнял задания десятки лет, корректировал сюжеты в дюжине миров. Каждый раз, слыша системное уведомление «Коррекция линии мира — 100%», «Баллы золотого сотрудника +1000», он испытывал лишь оцепенелое удовлетворение.

Но сейчас, глядя на эту улыбку Туаньцзы, он понял, что такое истинное удовлетворение. Не холодные баллы и рейтинги, а улыбка близкого человека, свет в глазах ребенка, тепло,

которым понемногу наполняется этот дом.

— Папа, а ты еще что-нибудь умеешь плести? — Туаньцзы, наигравшись с кузнечиком, снова подняла глаза на Лин Цэ. В них уже не было прежней робости, появилась зависимость и ожидание.

— Умею. — Лин Цэ улыбнулся и снова взял несколько тростинок из кучи. — Кого ты хочешь? Зайчика?

— Хочу! — Туаньцзы энергично кивнула, осторожно убрала кузнечика в кармашек и придвинулась к Лин Цэ. Крохотным тельцем она прижалась к его руке, не отрывая глаз от его пальцев, сплетавших тростинки.

Солнце на закате падало на них, их тени сливались в одну. Было так тепло и уютно, что не хотелось нарушать эту картину.

Су Вань вышла из кухни и как раз увидела это.

В руке она все еще держала поварешку. Увидев, как Туаньцзы, прильнув к Лин Цэ, улыбается, она покраснела до слез.

Раньше Туаньцзы боялась Лин Цэ до дрожи, даже за стол с ним не садилась. А теперь сама к нему придвинулась, говорит с ним, улыбается. Она ждала этого дня целых три года.

— Ужин почти готов. Не сидите долго на улице, отец с дочкой, простудитесь еще. — Су Вань вытерла уголки глаз. Голос ее дрожал от слез, но в нем звучала радость.

Лин Цэ поднял голову, взглянул на Су Вань и улыбнулся:

— Знаю. Как закончу зайчика для Туаньцзы, так и зайдем.

Туаньцзы, услышав слова «отец с дочкой», прижалась к Лин Цэ еще теснее и тихо спросила:

— Папа, а после зайчика ты мне сплетишь бабочку?

— Сплету. Если Туаньцзы хочет, папа все тебе сплетет. — Лин Цэ погладил ее по голове. Пальцы коснулись мягких волос, и на душе у него стало спокойно и надежно.

— [Хозяин, зафиксирован скачок твоего эмоционального фона до 98%! Самый высокий показатель за все время работы!] — в голосе Системы 7576 слышалось удивление. — [Даже выше, чем когда ты впервые получил звание золотого сотрудника! Неужели это ощущение сильнее, чем удовлетворение от выполненного задания?]

Лин Цэ не ответил, но про себя молча кивнул.

Да, сильнее, чем от любого задания.

Задания были его работой, обязанностью, которую он должен был выполнять. А Туаньцзы, Су Вань, этот дом, понемногу наполняющийся теплом, — вот что он готов был защищать по доброй воле.

За ужином Туаньцзы поставила кузнечика на стол. Она ела кукурузную кашу и то и дело

поглядывала на него, уголки губ ее подрагивали в улыбке.

Су Вань смотрела на нее, потом на Лин Цэ и без конца подкладывала им овощи, а сама почти не притрагивалась к еде. Глаза ее сияли.

Лин Цэ смотрел на еду на столе, на жену и дочь рядом и вдруг понял: даже если Главная система снова пришлет предупреждение, даже если Линь Вэй снова придет его искать, даже если впереди будет еще больше неприятностей, — он не боится.

Потому что он нашел нечто более важное, чем задания. Нашел то, что стоит защищать, не жалея ничего.

После ужина Туаньцзы выбежала во двор с плетеными кузнечиком и зайчиком и носилась, смеясь, словно серебряный колокольчик.

Лин Цэ сидел на пороге и смотрел на нее. Су Вань села рядом и легонько прислонилась к его плечу.

Вечерний ветер доносил запах хвороста, лаская двор, нежный, как это понемногу теплеющее будущее их дома.

Лин Цэ знал: это только начало.

Он должен сделать так, чтобы улыбка Туаньцзы оставалась такой же чистой, чтобы Су Вань всегда чувствовала себя спокойно, чтобы в этом доме больше никогда не было прежней горечи и холода.

И эта решимость была крепче любого приказа.

<http://bllate.org/book/18630/1793900>